

доступу:<http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:o9HGb8aG1fsJ:w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc34%3Fid%3D%26pf3511%3D38796%26pf35401%3D228436+&cd=1&hl=ru&ct=clnk&gl=ua>

9. Проект Закону Про забезпечення прозорості та законності комунікації з суб'єктами владних повноважень [Електронний ресурс] // Офіційний веб-сайт Верховної Ради України. — Режим доступу: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=62573

10. Закон о лоббировании в Украине: безнадежная попытка или серьезные намерения? [Електронний ресурс] — Режим доступу: <http://ukrainelobbying.com.ua/articles/315-zakon-o-lobbirovanii-v-ukraine-beznadezhnaya-popytka-ili-sereznyie-namereniya.html>

ДИАСПОРА КАК СУБЪЕКТ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ

Николай ТРОФИМЕНКО,
Мариупольский Государственный Университет

***Резюме:** В статье рассматриваются диаспоры государств, которые превращаются в полноценных акторов международных отношений и все чаще становятся субъектами и объектами публичной дипломатии. Правительства стран стараются наладить эффективную коммуникацию и сотрудничество со своими диаспорами содействуя институционализации их объединений, создавая государственные агентства, которые занимаются вопросами взаимодействия правительства с диаспорой. Особенно важное значение диаспоры имеют для небольших стран из-за недостатка средств, которые страна может привлекать на реализацию своей внешней политики, организацию дипломатических представительств.*

Влиятельная и активная диаспора страны за рубежом сегодня становится существенным фактором развития внешней политики государства, ее дипломатии, публичной дипломатии в частности.

В мире, где миграция достигла беспрецедентных, со времен Второй мировой войны, уровней, диаспоры все больше воспринимаются как влиятельные акторы внутренних и международных процессов, более того, они будут это влияние только наращивать. Диаспоры сегодня рассматриваются как потенциальные дипломатические акторы для выполнения основных функций: общения, представительства и переговоров [8, С. 1].

Особенно важное значение диаспоры имеют, для небольших стран, из-за нехватки средств, которые страна может привлечь на реализацию своей внешней политики, организацию дипломатических представительств. Общеизвестно, например, что диаспоры Израиля, Греции, Армении и т.д. в США существенно влияют на формирование политики Соединенных Штатов в отношении своих исторических родин, способствуя развитию двусторонних отношений. В то же время, правильно налаженная коммуникация национальных правительств с представителями своих диаспор является чрезвычайно важной задачей для министерств иностранных дел, посольств стран. Со все большим развитием информационно-коммуникационных технологий, ростом количества пользователей социальных сетей, увеличением времени, которое они проводят онлайн, важное значение для стран приобретает развитие публичной дипломатии.

Все чаще именно национальные диаспоры становятся объектами внимания и одновременно субъектами публичной дипломатии стран происхождения.

В последние годы публичная дипломатия приобрела необычайную популярность и привлекла научное внимание. По сути, публичная дипломатия – это обсуждение перспектив политики и укрепления связей между политическими агентствами и общественностью зарубежных стран, для информирования и влияния на эти аудитории.

Публичная дипломатия является «в определенном смысле метафорой для демократизации дипломатии, с многочисленными актерами, которые играют роль в спектакле, который до недавнего времени был спектаклем только нескольких актеров» [8, С. 4]. На английском языке публичная дипломатия характеризуется аббревиатурами «g2p» (government to people – от правительства к людям), «p2p» (people to people – от людей к людям), что как нельзя лучше

характеризует деятельность диаспор в рамках реализации публичной дипломатии государств [18, С. 105].

Этот переход от клуба избранных к сетевой дипломатии отражается в научных трудах, в которых произошел переход от традиционного тезиса о том, что дипломатия является особой прерогативой государства, к более широкому пониманию дипломатии. В рамках изучения дипломатии, исследования под довольно широким понятием «новая дипломатия» определяется как увеличение количества негосударственных акторов в дипломатической сфере. Новая дипломатия включает исследование роли неправительственных организаций, транснациональных корпораций и коренных общин в официальных дипломатических контактах и переговорах.

Ученые в области дипломатии начали изучать как увеличение количества акторов в мировой политике может изменить характер и качество дипломатии. Они предложили идею, в которой широкий спектр новых акторов осуществляет глобальное влияние через взаимосвязь и дипломатизацию социальной жизни [8, С. 5].

Идея многопрофильных государственных, негосударственных и международных акторов, развивающих дипломатические отношения без необходимости взаимного признания как суверенных эквивалентных организаций, тесно совпадает с теорией дипломатии диаспор, которую можно использовать, чтобы подчеркнуть то, как нетрадиционные дипломатические деятели изменяют характер дипломатии. Сегодня можно констатировать, что иерархия в дипломатических отношениях выравнивается (становится горизонтальной) и через привлечение диаспоры реформируется характер отношений между дипломатией и территорией.

Исследование диаспоры достигли пика в конце 1990-х годов, когда исследователи изучали характеристики диаспоры как социального образования, и задавали вопросы о границах принадлежности к диаспоре. Ирландская, армянская и еврейская диаспоры являются классическими примерами как диаспора может представлять и лоббировать свои родины при американском правительстве, действуя при этом как полноценные дипломатические акторы в двусторонних отношениях [7, 16, 18].

Диаспоры затрудняют территориальное представление о нации и государственности как о рассеянном населении, проживающем за пределами национальных границ, но сильно привязанном к месту, которое они покинули [5, 10]. Чем больше мигрантов отправляются в ремиграции из страны в страну сегодня, тем больше они размывают понятие территориальной основы не только нации и государства, а также диаспоры. При таком движении людей между странами, все труднее определить к какой диаспоре принадлежат эти лица.

Классическим примером успешной организации взаимодействия национального правительства с диаспорами является Греческая Республика, в которой, в рамках Министерства иностранных дел, работает Генеральный секретариат по делам греков зарубежья [19]. Генеральный секретариат был создан в 1983 году и является правительственным институтом Греческой Республики ответственным за планирование, координацию, реализацию политики касательно греческой диаспоры и относительно мирового эллинизма в целом. Население Греции и количественный состав диаспоры примерно одинаковы и составляет примерно по 11 млн. человек. При активном содействии греческого правительства, президентским декретом в 1995 году был создан Совет греков зарубежья для координации работы и более активного сотрудничества греческого правительства и диаспоры [20]. Совет греков зарубежья является чрезвычайно эффективным инструментом публичной дипломатии Греческой Республики, привлекает представителей мирового эллинизма к продвижению интересов Греции за рубежом. Государства, которые имеют большие греческие диаспоры также очень активно используют их для установления и развития двусторонних отношений с Грецией и Кипром. В данном случае можно с полной уверенностью сказать, что греческая диаспора является как объектом, так и субъектом публичной дипломатии, причем достаточно активным.

В литературе, как относительно вопросов диаспоры, так и дипломатии, основное внимание в основном уделено тому, как государства-источники миграции привлекают диаспоры к лоббированию интересов, содействию двустороннему посредничеству или как объект для сбора информации для разведки. Диаспоры также рассматриваются как ключ к культурной и публичной дипломатии, например, через содействие взаимоотношениям между общинами и восприятием деятельности государств, которая выходит за рамки официальной (например, Британский Совет, Альянс Франсез, Институт Гете, Итальянский институт культуры и др.).

Формализованные стратегии диаспор являются систематическими подходами, по которым государства привлекают диаспоры с целью использовать их в реализации своей политики мягкой силы, которая реализуется скорее через сотрудничество, чем через принуждение, например, через влияние на мысли и, следовательно, на иностранные политические решения двусторонних партнеров или международных организаций [12]. Ведущими мировыми субъектами, которые рассматривают свои диаспоры как дипломатические инструменты для реализации публичной дипломатии и повышения эффективности мягкой силы, в контексте реализации внешней политики, являются Армения, Израиль, Ирландия, Греция и др.

Большое внимание роли диаспор в публичной дипломатии исследователи уделяют Китаю и Индии из-за их амбициозных инициатив по институционализации отношений с диаспорами, с целью получения потенциальных преимуществ, которые диаспоры могут принести для двусторонних отношений (особенно экономических), играя роль посредников и катализаторов. Эти инициативы включают в себя создание министерств и правительственных агентств для привлечения и координации работы с диаспорами. Таким образом, часть государственного аппарата работает исключительно с общинами своей страны за рубежом. В Китае и Индии участие в делах диаспоры сводится к субнациональному уровню, с участием провинциальных и местных правительств. Их министерства и ведомства, занимающиеся делами диаспоры, проводят конференции по вопросам диаспор в пределах соответствующих стран и отправляют миссии и делегации за границу, с целью организации общения с их диаспорами. Диаспоры воспринимаются в первую очередь как источник информации и советов, а также как средство привлечения граждан для посольств и министерств/ведомств.

Китай и Индия имеют давние диаспоры и наладили коммуникацию с потомками эмигрантов во втором, третьем, четвертом и т.д. поколениях, которые также являются частью диаспоры. Например, заинтересованность Китая в китайской диаспоре также распространяется на тех, кто считается потомками китайских эмигрантов (то есть их предки покинули Китай в период с 19-го – начала 20-го века) и те, кто называются ксиньимин (новые китайские мигранты, которые покинули Китай после 1978 года) [8, С. 8]. Отношения Индии с ее исторической диаспорой характеризовались как не системные, но частично были систематизированы через стратегизацию диаспор. Китайская и индийская стратегия диаспор включают взаимодействие с организациями за рубежом, объединяющими представителей диаспоры. Такие ассоциации диаспор имеют различные признаки и характеристики, при этом фактор крепких связей с родиной играет решающую роль в продвижении двусторонних отношений. Они используют тактику культурной, публичной и общественной дипломатии для продвижения национального имиджа своей родины в странах, в которых поселились.

Неоднородность диаспор, и споры о легитимности их объединений, оказывают значительное влияние на природу и географию дипломатии. В этом контексте другим способом привлечения, с помощью которого диаспоры применяют дипломатию, является представительство. Примером легитимного представительства является коллективная индийская диаспора и как противопоставление – противоречивые требования сикхской диаспоры. Правительство Пенджаба в Индии (субнациональный филиал Индийского государства) мобилизовал Сикхскую диаспору для участия в достижении Целей развития Индии, но непростые давние отношения между Сикхскими сепаратистами в пределах Индии и распространенные экстерриториально сикхские диаспоры, которые финансировали сепаратизм – показывают сложные отношения между политическими целями сикхов и стратегией диаспоры индийского правительства.

Роль представительства имеет повышенную значимость в случае диаспоры без гражданства. Здесь диаспоры используют дипломатическую тактику, конвенции и миссии не только для продвижения своих идей через пропаганду, но также как режим представительства, чтобы получить политическое признание на международной арене и продолжение диалога касательно вопросов суверенитета. Режимы дипломатического представительства таких диаспор отличаются формально от организаций активистов. Например, из своей диаспорной базы в Индии, тибетское правительство в изгнании имеет 11 зарубежных миссий на всех континентах. Кроме влияния на парламентариев и министерства иностранных дел в странах пребывания и предоставления консульских услуг тибетцам, персонал в этих «Офисах Тибета» рассматривается диаспорой как официальный представитель Центральной тибетской администрации, Далай-ламы и

территорией Тибета [17]. Этот режим дипломатии проявляется как в форме физической территории в изгнании (где базируется диаспора), так и в форме воображаемой территории на родине.

Рассмотрев все вышесказанное, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, сегодня государства практикуют привлечение диаспор к реализации своих дипломатических задач, в рамках публичной дипломатии в частности, для продвижения национальных интересов и достижения собственных целей (через пропаганду, стратегии посредничества и представительства). Диаспоры являются полноценными акторами дипломатических отношений, выступающими как посредники между родиной и принимающей страной, которые при этом выступают как субъект и объект публичной дипломатии стран происхождения и стран реципиентов.

Во-вторых, понятие диаспоры и дипломатии подверглись значительному расширению в последние годы, отмечая отход от понимания диаспоры как описательной категории и дипломатии как деятельности исключительно государственных служащих. Все больше развивается понятие дипломатии диаспор, в рамках которого диаспора приобретает полноценные признаки дипломатического актора

В-третьих, исследования дипломатии диаспор заставляет переосмыслить характеристики диаспор как социальных образований, то есть что считается диаспорой в вопросах, связанных с представительством и легитимностью, особенно в вопросах, когда диаспора выступает как субъект или объект дипломатии.

В-четвертых, дипломатия диаспор обостряет проблему их законного представительства, которое опирается на дипломатию как на практику, то есть возникает проблема официальной институционализации органов управления и координации работы диаспоры. В этом контексте положительным примером является деятельность структур, координирующих работу греческой диаспоры – Совета греков зарубежья, Генерального секретариата греков зарубежья Министерства иностранных дел Греческой Республики.

В-пятых, диаспоры могут выполнять функции посредников или играть роль миротворцев на службе у государства, выступая дипломатическими акторами, которые могут участвовать как во внутренних, так и иностранных делах, с целью осуществления контроля того, как дипломатия развивается в интересах или вопреки интересам государства.

Список используемых источников:

1. Трофименко М. В. Дипломатична та консульська служба : підручник для студентів ВНЗ / М. В. Трофименко, К. В. Балабанов. — Донецьк : Вид-во «Ноулідж» (донецьке відділення), 2013. — 432 с.
2. Трофименко М. В. Трансформація публічної дипломатії Європейського Союзу в умовах глобалізації (EU public diplomacy transformation in the context of globalization) / М. В. Трофименко // Вісник Львівського університету. Серія: Філософсько-політологічні студії. — 2015. — Випуск 7. — С. 290—296.
3. Adamson F.B. (2007) Remapping the boundaries of ‘state’ and ‘national identity’: Incorporating diasporas into IR theorizing / F.B. Adamson, M. Demetriou // *European Journal of International Relations*. — 2007. — № 13. — P. 489—526.
4. Boyle M. Sovereign power, biopower, and the reach of the West in an age of diaspora-centred development / M. Boyle, ELE Ho // *Antipode*. — 2017. — № 49 (3). — P. 577—596.
5. Clifford J. Diasporas / J. Clifford // *Cultural Anthropology*. — 1994. — № 9(3). — P. 302—338.
6. Collier P. Greed and grievance in civil War / P. Collier, A. Hoeffler // *Oxford Economic Papers*. — 2004. — № 56. — P. 563—594.
7. Dickinson J. Making space for India in post-apartheid South Africa: Narrating diasporic subjectivities through classical song and dance / J. Dickinson // *Emotion, Space and Society*. — 2014. — № 13. — P. 32—39.
8. Ho E.L.E. Conceptualizing “diaspora diplomacy”: territory and populations betwixt the domestic and foreign / Elaine L.E. Ho, Fiona McConnell // *Progress in Human Geography*. — SAGE, 2017. — P. 1—21.
9. International Diaspora Engagement Alliance [Electronic resource]. — Mode of access : <http://www.diasporaalliance.org/>.
10. Ma Mung E. Dispersal as a resource. / Mung E. Ma // *Diaspora: A Journal of Transnational Studies*.

— 2004. — № 13(2). — P. 211—225.

11. Mullings B. Governmentality, diaspora assemblages and the ongoing challenge of ‘development’ / B. Mullings // *Antipode*. — 2012. — № 44 (2). — 406—427.

12. Nye J.S. *Soft Power: The Means to Success in World Politics* / J.S. Nye. — New York: Public Affairs, 2004. — 208 p.

13. Rana K. India’s diaspora diplomacy / K. Rana // *The Hague Journal of Diplomacy*. — 2009. — № 4(3). — P. 361—372.

14. Shain Y. The role of diasporas in conflict perpetuation or resolution / Y. Shain // *SAIS Review*. — 2002. — № 22(2). — P. 115—144.

15. Shiller N.G. Transnational social fields and imperialism: Bringing a theory of power to transnational studies / N.G. Shiller // *Anthropological Theory*. — 2005. — № 5(4). — P. 439—461.

16. Smith M.P. Transnationalism, the state, and the extraterritorial citizen / M.P. Smith // *Politics and Society*. — 2003. — № 31(4). — P. 467—502.

17. The Office of Tibet [Electronic resource]. — Mode of access : <http://tibetoffice.org/>.

18. Tomiczek M. Diaspora Diplomacy About a New Dimension of Diplomacy, the Example of a New Emigration Non-Governmental Organisation / Martyna Tomiczek // *Journal of Education Culture and Society*. — №2. — 2011. — P. 105—123.

19. Γενική Γραμματεία Αποδήμου Ελληνισμού [Electronic resource]. — Mode of access : <http://www.ggae.gr/frontoffice/portal.asp?page=NODE&cnode=1>.

20. Συμβούλιο Αποδήμου Ελληνισμού [Electronic resource]. — Mode of access : <http://el.sae.gr/>.

GESTIUNEA DEFICITULUI BUGETAR AL REPUBLICII MOLDOVA IN CONTEXTUL INTEGRARII EUROPENE

Aurelia ȚEPORDEI, lector universitar,
Institutul Internațional de Management IMI-NOVA

Abstract: *Budget deficit is a multidimensional notion. It can be simplistically treated by an overstatement of public expenditures on revenue received by the State. At the same time, it is an important indicator for assessing condition of public finances and financial stability of the State. In 2014, Republic of Moldova signed the Association Agreement with European Union, which, among other things, pledged to implement European best practices for managing public finances and combating tax evasion. At first glance, dynamics of the state budget deficit shows successes of central authorities of Republic of Moldova in this field. In reality, the situation is much more important, with some important issues being identified, as well as ways to optimize public finance management. This article aims to present these aspects, with certain conclusions being made at the safress.*

Cuvinte-cheie: Acordul de ascoiere, bugetul de stat, Produsul Intern Brut, datoria publică, evaziune fiscală

Clasificarea JEL: E61, E62, H26, H62, H63

Introducere. Pentru Republica Moldova anul 2014 a fost marcat prin semnarea Acordului de asociere dintre Uniunea Europeană și Republica Moldova, în care corupția este recunoscută drept factor important la incompatibilități dintre statele UE și RM. Drept urmare, Republica Moldova și-a asumat obligații substanțiale în domeniul managementului finanțelor publice [1].

Prin Articolul 48 litera (b) Republica Moldova s-a angajat să asigure dezvoltarea continuă a planificării bugetare multianuale și alinierea la bunele practici ale UE, iar prin articolele 53 și 54, respectiv, să întreprindă măsuri de combatere a fraudelor fiscale în domeniul plății TVA și accizelor.

În același timp, Tratatul privind stabilitatea, coordonarea și guvernanta semnat în data de 02.03.2012 a stabilit, că limita deficitului bugetar structural este de 0,5%, iar deficitul admis este de maxim 3% din valoarea P.I.B. În cazul în care nivelul datoriei publice este mult sub 60% și nu există riscuri privind sustenabilitatea pe termen lung a finanțelor publice [2]

Dinamica deficitului Bugetului de stat în Republica Moldova. În perioada anilor 2012-2018